

О.Э. Терехов, О.Н. Терехова

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР И НЕМЕЦКИЙ ИСТОРИЗМ

Рассматривается проблема соотношения категорий культурно-исторической и политической концепции Освальда Шпенглера с основными методологическими и политическими принципами немецкого историзма. На примере анализа основных идей «Заката Европы» утверждается, что Шпенглер при всем его формальном антиакадемизме оставался в русле традиций немецкого историзма. Делается вывод о том, что культурно-историческая концепция Шпенглера по существу является попыткой пересмотра базовых принципов немецкого историзма в условиях его кризиса как на теоретическом, так и идейно-политическом уровне.

Ключевые слова: Освальд Шпенглер; «Закат Европы»; немецкий историзм.

В 1918 г. исполнялось столетие со дня выхода первого тома «Заката Европы» Освальда Шпенглера (1880–1936). Нельзя не согласиться с мнением Б.Г. Могильницкого, который писал о том, что книга О. Шпенглера является духовным символом своего времени [1. С. 131]. «Закат Европы» положил начало становления современной цивилизационной теории в западной исторической мысли и исторической науке новейшего времени. Книга Шпенглера стала важным фактором, повлиявшим на изменение исторического сознания Запада. Последующие поколения историков, культурологов, философов неоднократно возвращались к идеям Шпенглера, которые он изложил в «Закате Европы».

Новизна, оригинальность, нарочитая антиакадемичность философии истории «Заката Европы» с момента своего появления вызвала серьезную, и со временем расширяющуюся дискуссию о методологических, идейных принципах построения культурно-исторической концепции, предложенной Шпенглером. Остроту дискуссии характеризовал сам Шпенглер, который под градом обвинений в заимствованиях, аллюзиях, да и просто в плагиате, был вынужден отвечать своим критикам. По этому поводу Шпенглер писал своему издателю Оскару Веку о том, что ему пришлось «ознакомиться с полусотней предшественников, среди них наиболее известны – Лампрехт, Дильтей и Бергсон. Количество их тем временем должно было перевалить за сотню. Если бы я захотел прочитать хотя бы половину, то и сегодня не закончил бы работу... сегодня вообще невозможно высказать что-нибудь такое, что не было бы затронуто в посмертных сочинениях Ницше» [2. S. 60]. В многочисленных переизданиях первого тома «Заката Европы» Шпенглер постоянно отмечал, что его главными учителями являются Гёте и Ницше.

Однако, несмотря на «методологический анархизм» и парадоксальность, истоки философско-исторических воззрений автора «Заката Европы» находились в русле мощной эпистемологической и социокультурной традиции немецкого историзма, которая долгое время определяла историческое сознание представителей германской культуры в целом. Более того, Шпенглер, сам, очевидно, не желая того, предпринял попытку трансформации базовых теоретико-методологических и идейных принципов немец-

кого историзма в условиях его кризиса начала XX столетия.

Историзм как тип мировоззрения и исследовательская практика формируется в германской культурной традиции на рубеже XVIII–XIX вв. как реакция на идеи Просвещения и Великой Французской буржуазной революции. Второй составной частью историзма становится движение романтизма с его обостренным чувством истории. Один из ведущих представителей немецкого историзма Фридрих Мейнеке, характеризуя его сущность, писал: «Историзм прежде всего не что иное, как применение к исторической жизни новых жизненных принципов, обретенных в ходе великого немецкого движения от Лейбница до смерти Гёте» [3. С. 6]. Другой видный теоретик и практик немецкого историзма Эрнст Трёлч связывал возникновение этого феномена с коренной историзацией знания и мышления, последовавших после натурализма и догматизма Просвещения и Великой Французской буржуазной революции [4. С. 16–17]. Мейнеке и Трёлч подчеркивали общеевропейский характер историзма, особо выделяя его немецкий вариант. Среди представителей германской интеллектуальной мысли значительный вклад в формирование принципов немецкого историзма внесли: философы Гердер, Гегель, Гумбольдт, историк Л. фон Ранке, юристы германской исторической школы права.

Отличительными чертами немецкого историзма, который был представлен достаточным разнообразием школ и концепций, являются: «признание качественного своеобразия истории по сравнению с природой» [5. С. 220] и «качественное отличие методов познания природы и истории, зависимость человека от нравственного миропорядка истории, который он не в силах изменить, и идея провиденциализма» [Там же], в онтологическом плане акцент на значимости индивидуального и неповторимого в деятельности субъектов и коллективных общностей в истории, повышенный интерес к ценностной значимости уникальных феноменов, возникающих в автономных культурно-исторических мирах. Важнейшую роль играла идея развития в ее различных интерпретациях: от диалектики Гегеля до приближенных к позитивизму натуралистических ее трактовок. Характерной чертой немецкого историзма также стала тесная связь между историей и философией, которая породила

специфическую форму философии истории в ее германском интеллектуальном варианте.

И, конечно же, говоря о немецком историзме как особом типе мировоззрения, нельзя не забывать его идейно-политическую составляющую. Именно немецкой гуманитарной мысли принадлежит приоритет создания культа государства в истории, причем в его консервативно-националистической форме. Следует заметить, что консерватизм, как онтологический и гносеологический, идейно-мировоззренческий принцип, был той чертой, которая заметно отличала немецких интеллектуалов от их европейских коллег. «В отличие от Западной Европы, в Германии преобладающее влияние в общественном самосознании приобрела консервативная политическая традиция, опирающаяся на две основные идеи – национализм и историзм» [6. С. 123]. Долгая борьба за создание единого национального государства придала истории в Германии статус идеологического императива.

Под кризисом историзма необходимо понимать разрушение традиционного образа истории, который сформировался в XIX столетии [1]. Особенно эти тенденции проявились в годы Первой мировой войны и в дальнейшем в межвоенный период и охватили всю историческую и философско-историческую мысль Европы. В Германии кризис историзма переживался прежде всего на идейно-политическом уровне. Теоретико-методологические проблемы исторической науки трогали историков меньше. Немецкие историки, подсознательно понимая необходимость каких-то изменений на уровне методологии, тем не менее предпочитали находиться в русле старых «обкатанных» традиций. Труд Э. Трёльча 1922 г. «Историзм и его проблемы» составлял в этом отношении исключение. «Закат Европы», который разрушал устоявшиеся академические каноны, является знаковой книгой эпохи кризиса историзма и в то же время примером продолжения традиций немецкого историзма на новом уровне теоретического осмысления.

В отечественной гуманитарной мысли различные аспекты культурно-исторической концепции Шпенглера неоднократно освещались в контексте различных идейных и теоретико-методологических интерпретаций: от христианско-либерально-гуманистических до ортодоксально-марксистских и с позиций методологического плюрализма [1, 7, 8]. Основной акцент в отечественной шпенглеровской мысли был сделан на выявление философских, философско-исторических, культурологических, социокультурных и т.д. аспектов его культурно-исторической концепции. Рассмотрение культурно-исторической концепции Шпенглера с точки зрения ее соотношения с теоретико-методологическими и идейно-мировоззренческими принципами немецкого историзма в отечественной гуманитаристике, за редким исключением [9–11], фактически не предпринималось.

Между тем шпенглеровская версия всемирной истории, культуры и цивилизации, которую нужно воспринимать не сколько как сугубо научное моделирование и прогнозирование процесса развития человеческих сообществ, но, скорее, как некую экзистенциальную программу поиска системы ценно-

стей, идеалов и целей для ответов на актуальные вопросы исторического бытия человека фаустовской культуры, особенно немцев с их эсхатологическими, консервативно-романтическими и реваншистскими настроениями, порожденными итогами Первой мировой войны, была явной рецепцией немецкого историзма, причем в его самом радикальном эпистемологическом варианте.

Характерно, что для современников Шпенглера различных философских и идейных направлений, истоки его философско-исторических воззрений не вызвали сомнения. Так, знаменитый немецкий социолог и видный представитель философии жизни (философского направления, к которому относят и Шпенглера) Георг Зиммель считал, что «Закат Европы» в германской философской мысли мог быть оценен как «наиболее значительная философия истории со времен Гегеля» [2. S. 114]. Даже такой строгий приверженец идей немецкого историзма как Э. Трёльч, несмотря на свое скептическое отношение к «Закату Европы» как «к сфере изящной литературы» [4. С. 506], признавал за Шпенглером место в немецкой интеллектуальной традиции [Там же. С. 9]. Один из основоположников философской антропологии Макс Шелер однозначно причислял Шпенглера к традиции немецкого историзма, ведущей свое начало от философии истории Гегеля [12. S. 33–34].

В основе философско-исторической концепции «Заката Европы» лежала идея культурно-исторического цикла в сочетании с принципом замкнутости локальных культур. В духе немецкого историзма Шпенглер разделяет методы познания истории и природы. «Средство для познания мертвых форм – математический закон. Средство для познания живых форм – аналогия» [13. С. 129]. Главным теоретико-методологическим принципом культурно-исторической концепции Шпенглера стала идея выделения мира-как-истории и мира-как-природы. Природа есть нечто ставшее, история – становящееся [Там же. С. 250]. «Природа и история различаются между собой как подлинная и мнимая критика – критика, понятая противоположность жизненному опыту», – пишет он [14. С. 24].

Согласно Шпенглеру, важнейшими признаками мира-как-истории и мира-как-природы являются направление и протяженность, на основании которых «историческое и природное впечатления о мире отличаются друг от друга» [13. С. 256]. Шпенглер иллюстрирует это различие на примере трактовки слова «даль». В категориях мира-как-истории оно означает проекцию будущего. В категориях мира-как-природы – обыкновенную пространственную дистанцию [Там же]. Таким образом, в основе культурно-исторической концепции Шпенглера находится не пространственно-временное измерение окружающей действительности, а органический, временной поток жизни, в котором не существуют и, соответственно, не действуют природные законы. С присущей ему афористичностью Шпенглер следующим образом описывает это различие: «Существует познание природы и знание людей. Существует научный опыт и опыт жизни» [Там же. С. 257].

Он вводит жесткую дихотомию различия гештальта (образа) и закона. Историю, как любое культурное образование, следует, по мнению Шпенглера, созерцать только через гештальты, в которых отражены различные духовные образования. В данном контексте Шпенглер выступает последователем традиции интуитивно-душевного вживания и переживания исторического бытия, ведущей свое начало в немецком историзме от В. Дильтея. «Познание природы может стать делом воспитания, знатоком истории рождаются [13. С. 259]. Характерно отношение Шпенглера ко времени как философско-исторической категории. По словам С.С. Аверинцева, время для Шпенглера как представителя философии жизни не являлось коррелятом пространства либо мыслительной категорией, оно было тождественно самой жизни [15. С. 191]. Время выступает в философии истории Шпенглера и как онтологическая категория, и как темпоральная единица исторического процесса.

Историк в методологии исторического познания Шпенглера превращается в медиума, способного интуитивно проникать в прошлое и будущее, чувствовать настоящее. Сами по себе исторические факты не имеют значение. Главное – жизнь и душа, стоящие за ними, вот их-то историк и должен почувствовать. Сравнительно историческое описание гештальтов культур мировой истории (морфология всемирной истории) и есть методика исследовательской работы Шпенглера. Рационалистический и систематический способ познания истории полностью исчерпал себя. Остается лишь одна возможность проникнуть в суть исторического процесса – интуитивное вживание в гештальты духовных образований (культур) мировой истории. Антипозитивизм и антисциентизм, которые были всегда присущи германской исторической мысли, достигли в культурно-исторической концепции Шпенглера имманентно радикальной стадии в своем развитии. В своем стремлении к душевному сопереживанию истории Шпенглер полностью отверг рационально-понятийные методы ее познания, придав историческому процессу линию жестко заданного фатума.

Убежденность Шпенглера в необратимости хода всемирной истории возвращает нас к проблеме провиденциализма в немецком историзме, которая выступает у Шпенглера под понятием «судьба». «Кто вообще в силах понять, в какой мере душа может названа идеей существования, тому откроется также как близка ей и родственна достоверность судьбы...» [13. С. 272]. Историческое время – это судьба. «Собственное, судьба, время суть слова векселя», – утверждает Шпенглер [Там же. С. 277]. «Судьба» является одним из основополагающих понятий в методологической и в целом культурно-исторической и политической концепции Шпенглера. В идее судьбы, согласно Шпенглеру, лежит центр тяжести противопоставления мира-как-истории миру-как-природе. История в понимании Шпенглера и есть судьба, «настоящая история отягчена судьбой, но лишена законов» [Там же. С. 274]. Провиденциализма философско-исторического мышления Шпенглера заключается в его буквально божественном преклонении перед некой мистической исторической судьбой, которую можно

почувствовать, но нельзя вычислить. Фатализм исторической судьбы также определяет преднамеренную заданность культурно-исторического цикла жизни высоких культур, обреченных на прохождение определенного исторического цикла. Основываясь на своей концепции локальных культурно-исторических типов, Шпенглер считал, что каждая культура имеет свое время, свою судьбу, свой прасимвол. Судьба, становится исторической субстанцией и определяет логику исторического процесса.

Шпенглер отверг единство всемирно-исторического процесса и деление истории на Древний мир, Средневековье, Новое время. Он уподобил ритм исторического развития биологическому природному ритму. В основе философско-исторической концепции «Заката Европы» лежит идея культурно-исторического цикла в сочетании с принципом замкнутости локальных культур. Средством постижения событийной структуры исторического процесса, по Шпенглеру, является морфология всемирной истории. Подобный подход к истории, с одной стороны, отрицающий поиск закономерностей исторического бытия, с другой – сводящий само это бытие к сугубо биологическому выражению, вызвал с момента появления культурно-исторической концепции Шпенглера острые научные дискуссии относительно его правомерности и методологической функциональности. В контексте ретроспективы этих дискуссий необходимо отметить, что Шпенглер фактически на новом уровне теоретико-методологической рефлексии использовал две важнейшие идеи немецкого историзма: идею развития и идею индивидуального исторического феномена.

Согласно Шпенглеру, каждой культуре, как и подобает живому организму, развивающемуся во времени и пространстве, определен свой жизненный срок, который зависит от ее внутренних витальных сил. Культура обладает собственной идеей судьбы. Каждая культура есть осуществление гештальта уникальной души. Каждая культура подчинена жесткому циклу исторического развития, который Шпенглер определил примерным временным сроком в 1 000 лет. Каждая культура проходит в своем развитии стадии рождения, расцвета и гибели. Каждая культура обладает суммой присущих только ей особенностей, которые выражаются в философии, искусстве, науке, экономике, политике и т.д. Культуры замкнуты и не проницаемы друг для друга. Носитель одной культуры не может до конца понять другую, чуждую ему культуру. Всего, по мнению Шпенглера, в истории человечества существовало восемь таких локальных культур: египетская, вавилонская, китайская, греко-римская (аполлоновская), византийско-арабская (магическая), майя, индийская, культура майя и западная (фаустовская). Каждой культуре присущ индивидуальный способ познания и видения не только мира-как-истории, но и мира-как-природы и, соответственно, понимания и чувствования исторического времени.

Характерна оценка Шпенглером роли и места человека в этом потоке культурно-исторических циклов. «Исторический человек» – это человек, пребывающий на пути осуществления культуры. До рождения культуры и после гибели культуры он неисторичен, как и

народ, который он представляет [13. С. 52]. Когда цивилизация оформляется до своего окончательного состояния и завершается живое развитие культуры, исторический человек исчерпывает возможности своего существования. Понятие «цивилизация» – квинт-эссенция культурно-исторической концепции Шпенглера, ради которой, собственно говоря, и создавался весь философско-исторический и социально-философский каркас концепции «Заката Европы», «ибо у каждой культуры – по словам Шпенглера – есть своя собственная цивилизация» [Там же. С. 163]. Цивилизация – это конечная стадия культуры, ее постепенное разложение и смерть. «Цивилизация – неизбежная судьба культуры» – констатирует Шпенглер [Там же].

Идея о цивилизации как о конце культуры выводит нас на одну из ключевых проблем западноевропейской философско-исторической мысли – проблему «конца истории». Современный отечественный исследователь И. В. Дёмин пишет о том, что в классической философии истории идея «конца истории» как завершения события всемирной истории лежит в основании метафизической или спекулятивной философии истории в любой из ее вариаций (христианской, гегелевской, марксистской). В силу этого классическая философия истории приобретает телеологический и даже эсхатологический характер. Классическая философия истории сущностно есть повествование (точнее, метаповествование) о смысле и цели истории и, следовательно, о конце истории [16. С. 41]. Несмотря на то, что Шпенглер отходит от присущего западному историческому сознанию традиционного теологического временного измерения истории, помечая христианство в три культурных ареала: античный, магический и фаустовский, его культурно-историческая концепция целиком телеологична и эсхатологична, он, в конечном итоге, признает, что фаустовская картина всемирной истории была подготовлена христианским летоисчислением [14. С. 29].

Говоря о цивилизации как заключительной стадии существования культуры, Шпенглер превращается из пророка истории в политического мыслителя. В основе культурно-исторической концепции Шпенглера находилась одна из центральных идей немецкой гуманитарной мысли – идея борьбы цивилизации и культуры, трактуемая им в духе традиции консервативной критики цивилизации. Согласно Шпенглеру, западноевропейская культура с эпохи Наполеона вступила в стадию цивилизации. Он считал, что все последующие события европейской истории XIX – начала XX в. лишь подтверждали его вывод о близящемся «Закате Европы». В этой связи необходимо отметить консервативную политическую составляющую философии истории Шпенглера, в которой политический контекст немецкого историзма также нашел свое продолжение. Шпенглера по праву причисляют к ведущим идеологам немецкого консерватизма XX столетия.

Шпенглер принадлежит к ведущим представителям «консервативной революции» в Веймарской республике, феномена, который имел преимущественно ярко выраженный интеллектуальный и идеологиче-

ский характер. «Консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера, что делало ее идеологемы родственными национал-социализму. В истории «консервативной революции» фигура Освальда Шпенглера является одной из ключевых для понимания метафизической и идейной сущности немецкого «революционного консерватизма» эпохи Веймарской республики. В его трудах отразились тектонические сдвиги в идеологии немецкого консерватизма на переломе эпох германской истории, пережившей за короткое время кайзеровский рейх, Веймарскую республику, Третий рейх. Шпенглер, следуя традиции консервативной критики цивилизации, утверждал, что переход к цивилизации в политическом отношении есть переход от сословного порядка к современному массовому обществу, парламентской и партийной демократии. Парламентская демократия стала формой распада сословного порядка, сторонником которого являлся Шпенглер.

Шпенглер считал, что старогерманские и старопрусские традиции в его эпоху были уже в значительной мере утрачены. Традиции уступили место индивидуализму классов, слоев, индивидуумов. Как и консерваторы XIX в., Шпенглер рассматривал общество как органическое целое, однако существенным отличием его представлений об обществе от традиционного консерватизма является отсутствие опоры на религию. По его мнению, как последователя Ницше, государство основывается на принципе «воли к власти» и не нуждается ни в какой-либо божественной санкции.

Политический подтекст культурно-исторической концепции Шпенглера не остался без замеченным исследователями. Герман Люббе отмечал значительное воздействие идей Шпенглера на немецкую публику, особенно на правоконсервативный лагерь. Это воздействие в конечном итоге было направлено против системы парламентской демократии Веймарской республики [17. S. VIII]. Историк Хорст Мёллер писал: «В своих сочинениях после первой мировой войны Шпенглер связал философско-историческую критику современности с предчувствием нового века».

Детлеф Фелькен констатировал обусловленность политических взглядов Шпенглера от его философии истории. По мнению американского исследователя творчества Шпенглера Джона Фарренкопфа, «Закат Европы» следует рассматривать не только как новаторскую книгу по философии истории, но и как труд, призванный дать немецкой элите рекомендации по искусству управления государством. Шпенглер, по мысли Фарренкопфа, попытался соединить три великие немецкие интеллектуальные традиции: философию истории, культурпессимизм, “Realpolitik”. «Философия мировой истории Шпенглера изначально была черновиком для того, чтобы подготовить инновационные формы немецкой «Realpolitik» [19. S. 72].

В центре философии политики Шпенглера находилось его понимание государства, критика либерализма и демократии, теория цезаризма. Шпенглер, анализируя политическую историю, вновь вернулся к противопоставлению цивилизации и культуры через оценку роли в истории социальных сословий, кото-

рые, по его мнению, являются отображением метафизического момента в истории. Шпенглер в основу исторического развития, космического течения жизни ставит политику. «Политика в высшем смысле – это жизнь, и жизнь – это политика», – пишет он [14. С. 354].

Шпенглер обращается к оценке места и роли государства в истории. «Всемирная история – история государств», – утверждал он [Там же. С. 385]. Особенность консервативного понимания государства у Шпенглера состоит в его морфологическом подходе, в стремлении рассматривать государство в исторической динамике. Государство для Шпенглера является естественной формой исторического существования народа. Особенности государства определялись особенностями народа и культуры, в соответствии с этим государство понималось им как национальный органический индивидуум, в котором единичная воля подчинялась общей. Проблема стабильности государства – это вопрос о его внутреннем авторитете, который зависел не от конституции, а от работы правительства и авторитета вождя. Создателями и носителями культуры в истории, по Шпенглеру, выступают дворянство и духовенство. Таким образом, истинным порождением культуры и, соответственно, подлинным государством могло быть, по мнению Шпенглера, только сословное государство.

Категория «государство» особенно в его национальном исполнении являлась составной частью теории и практики немецкого историзма. Нация воспринималась как первооснова исторического развития, а за национальным государством признавалась высшая историческая и политическая ценность. Повышенный интерес представителей немецкого историзма к роли государства в истории был обусловлен как объективными политическими условиями создания германского национального государства, так и логикой развития самого немецкого историзма, делавшего акцент на изучение исторических индивидуальностей.

В понимании либерализма и демократии Шпенглер исходил из постулатов философско-исторической концепции «Заката Европы» о переходе культуры в цивилизацию. По мере наступления цивилизации общество делится на две группы. Одна стремится сохранить веками наработанные исторические традиции, другая – разрушить их. С наступлением цивилизации и приходом буржуазии к политической власти авторитет государства начинает падать. На место традиционного представления о государстве приходят партикулярные интересы, материальные ценности и власть денег. Наступает эпоха ненавистной Шпенглеру демократии с ее парламентаризмом и господством партийных интересов, коррупцией и ма-

нипуляцией общественным сознанием. Демократия – верный признак и начало упадка и гибели культуры.

Шпенглер, при всей внешней «революционности» философии истории «Заката Европы», целиком находился в русле политической концепции немецкого историзма с его культом нации и государства, трактуемым в консервативном и националистическом духе. Второй том «Заката Европы» и политическая публицистика Шпенглера яркий тому пример. Американский историк и политолог Джеффри Херф, автор известной концепции «реакционного модернизма», под которым он понимает идейно-политические течения «консервативной революции», национал-социализма и подобные им, отмечает, что политические идеи Шпенглера находились на границе между прусскими консерваторами, опиравшимися на промышленность, юнкеров, армию и бюрократию, и послевоенными консервативными революционерами [20. Р. 11]. Один из ведущих отечественных исследователей «консервативной революции» Александр Михайловский полагает, что «воззрения Шпенглера характеризует диссонанс между ориентацией на традиционные ценности и пониманием невозможности их реального осуществления. Он ввел в критику эпохи новую позицию, не сводимую ни к чисто революционному, ни к чисто реакционному, ни к чисто прагматистскому умонастроению сохранения либерального статус-кво» [21. С. 64].

В своей культурно-исторической концепции Шпенглер вышел за рамки всех традиционных представлений об истории и одновременно органически их синтезировал. Он разрушил прогрессистский образ истории XIX столетия, но вернулся к тому же прогрессизму в форме «героического пессимизма» человека западной цивилизации. Он решительно отверг естественно-научный подход объяснения истории, но уподобил ритм исторического развития биологическому ритму. Он обрушился с резкой критикой на европоцентризм, но во многом остался на европоцентристских позициях как представитель единственной, согласно его представлениям, существующей в мире западной культуры. Он весьма снисходительно отзывался о состоянии современной ему исторической науки, но в то же время довел до логического завершения принципы немецкого историзма, расширив принцип индивидуализации исторических явлений до размеров гигантского культурно-исторического типа, который виртуозно описывал в ницшеанско-дильтеевском духе. В своей политической доктрине Шпенглер выступил как один из основоположников идеологии «консервативной революции» в Веймарской республике, которая стала значительным этапом в эволюции немецкого консерватизма и национализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века : курс. Вып. I. Кризис историзма. Томск, 2001.
2. Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München: Beck, 1988.
3. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / пер. с нем. М., 2004.
4. Трельч Э. Историзм и его проблемы / пер. с нем. М., 1994.
5. Смоленский Н.И. Принцип историзма в национально-политической историографии Германии XIX в. // Средние века. 1978. Вып. 42. С. 21–239.
6. Женин И. Между идеей и идеологией: политизация академического сообщества Германии в первой трети XX века // Философско-литературный журнал Логос. 2013. № 1 (91). С. 122–143.

7. Освальд Шпенглер и «Закат Европы». 2-е изд. М., 2000.
8. Асмус В.Ф. Маркс и буржуазный историзм // Избранные философские труды. М., 1971. Т. 2.
9. Патрушев А.И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 122–144.
10. Афанасьев В.В. Либеральное и консервативное // О. Шпенглер. Политические произведения. М., 2009. С. 223–526.
11. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемеровский государственный университет. Кемерово : Кемеровск. Гос. ун-т, 2011.
12. Agard O. Chancen des Aufstiegs und des Niedergangs Max Schelers Spengler-Kritik // Spengler ohne Ende. Ein Rezeptionsphänomen im internationalen Kontext. Gilbert Merlio Daniel Meyer (Hrsg.) Frankfurt am Main, 2014. S. 33–44.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем. К.А. Свасьяна. М., 1993.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. И.И. Маханькова. М., 1998.
15. Аверинцев С.С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии : Ежегодник Философского общества СССР, 1991. М., 1991. С. 183–203.
16. Дёмин И.В. Философия истории в постметафизическом контексте. Самара, 2015.
17. Lübke H. Vorwort // Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980. S. VII–XI.
18. Möller H. Oswald Spengler – Geschichte im Dienste der Zeitkritik // Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980. S. 49–73.
19. Farrenkopf J. Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste der Staatskunst // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln, Weimer, Wien, 1994. S. 45–73.
20. Herf J. Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge, 2003.
21. Михайловский А.В. Философия техники Ханса Фрайера // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 62–72.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 декабря 2018 г.

Oswald Spengler and German Historicism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 170–176.

DOI: 10.17223/15617793/450/21

Oleg E. Terekhov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terekhov1968@mail.ru

Oksana N. Terekhova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terekhov1968@mail.ru

Keywords: Oswald Spengler; *The Decline of the West*; German historicism.

The aim of the article is to consider the problem of the correlation between the categories of Oswald Spengler’s cultural-historical and political conception with the basic methodological and political principles of German historicism. The sources of the study are Spengler’s works. As a research method, a comparative historical method is used, which makes it possible to consider Spengler’s cultural, historical and political concepts in the context of German historicism. The past century, since the publication of the first volume of *The Decline of the West*, showed an unabated interest in Spengler’s intellectual heritage, which is based on the fact that the author is rightfully considered to be the ancestor of the civilisational concept in the study of history. Despite the fact that Spengler criticised the preceding humanitarian tradition, his theoretical-methodological and political views were completely in line with German historicism. The latter was a form of special ideological, theoretical, methodological and political state of German humanitarian thought, which considered history from a certain angle as the existence of autonomous, individual, unique phenomena differing from natural entities in cognitive methods, and having a dialectical development. Despite the fact that Spengler criticised the traditional academic historical science, he remained within the framework of the basic principles of German historicism. In an effort to destroy the progressive image of the 19th-century history, he returned to this image in the form of “heroic pessimism” of a man of Western civilisation. He separated natural and historical being into world-as-nature and world-as-history, rejected a natural science approach in explaining history, and, at the same time, while mocking the principle of dialectics, he still likened the rhythm of historical development to a biological natural rhythm. The authors come to the conclusion that, not accepting Eurocentrism, according to his ideas, as a representative of Western culture the only one remaining in history, Spengler largely remained on Eurocentric positions. The author of *The Decline of the West* brought to a logical conclusion the principle of individualisation of historical phenomena, expanding it to the size of a giant cultural-historical type, which he masterfully described in the style of German historicism. In the political doctrine, Spengler spoke as an apologist for the national state, based on estate-corporate principles. Despite the fact that *The Decline of the West* and other Spengler’s works formally go beyond the framework of German historicism, his cultural-historical and political concept was an attempt to revise its basic ideological and theoretical-methodological values and principles in the conditions of the crisis of historicism.

REFERENCES

1. Mogil’ nitskiy, B.G. (2001) *Istoriya istoricheskoy mysli XX veka: kurs* [The History of the Historical Thought of the 20th Century: A Course]. Is. I. Tomsk: Tomsk State University.
2. Felken, D. (1988) *Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur*. München: Beck.
3. Meinecke, F. (2004) *Vozniknovenie istorizma* [Historism: The Rise of a New Historical Outlook]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN.
4. Troeltsch, E. (1994) *Istorizm i ego problemy* [Historicism and Its Problems]. Translated from German by M.I. Levin, S.D. Skazkin. Moscow: Yurist.
5. Smolenskiy, N.I. (1978) Printsip istorizma v natsional’no-politicheskoy istoriografii Germanii XIX v. [The Principle of Historicism in the National Political Historiography of Germany in the 19th Century]. *Srednie veka*. 42. pp. 21–239.
6. Zhenin, I. (2013) Between Idea and Ideology: the Politicization of Germany’s Academic Community in the First Third of the 20th Century. *Logos*. 1 (91). pp. 122–143. (In Russian).
7. Berdyayev, N.A. et al. (2000) *Osva’d Shpengler i “Zakat Evropy”* [Oswald Spengler and The Decline of the West]. 2nd ed. Moscow: Vuzovskaya kniga.
8. Asmus, V.F. (1971) *Izbrannyye filosofskie trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow: Moscow State University.
9. Patrushev, A.I. (1995) Miry i mify Osva’da Shpenglera (1880–1936) [Worlds and Myths of Oswald Spengler (1880–1936)]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 3. pp. 122–144.
10. Afanas’ev, V.V. (2009) Liberal’noe i konservativnoe [The Liberal and the Conservative]. In: Spengler, O. *Politicheskie proizvedeniya* [Political Works]. Translated from German by V.V. Afanas’ev. Moscow: Kanon+. pp. 223–526.

11. Terekhov, O.E. (2011) *Fenomen "konservativnoy revolyutsii" v istoriografii FRG: osnovnye kontseptsii i problemy interpretatsii* [The Phenomenon of "Conservative Revolution" in the Historiography of Germany: Basic Concepts and Problems of Interpretation]. Kemerovo: Kemerovo State University.
12. Agard, O. (2014) Chancen des Aufstiegs und des Niedergangs Max Schelers Spengler-Kritik. In: Merlio, G. & Meyer, D. (eds) *Spengler ohne Ende. Ein Rezeptionsphänomen im internationalen Kontext*. Frankfurt am Main: Lang-Edition. pp. 33–44.
13. Shpengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of the West]. Translated from German by K.A. Svas'yan. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
14. Spengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of the West]. Translated from German by I.I. Makhan'kov. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
15. Averintsev, S.S. (1991) "Morfologiya kul'tury" Osva'da Shpenglera ["The Decline: The Morphology of Culture" by Oswald Spengler]. In: *Novye idei v filosofii: Ezhegodnik Filosofskogo obshchestva SSSR, 1991* [New Ideas in Philosophy: Yearbook of the Philosophical Society of the USSR, 1991]. Moscow: Nauka. pp. 183–203.
16. Demin, I.V. (2015) *Filosofiya istorii v postmetafizicheskom kontekste* [The Philosophy of History in a Post-Metaphysical Context]. Samara: Samara Academy for the Humanities.
17. Lübke, H. (1980) Vorwort. In: Ludz, Ch. von. (ed.) *Spengler heute*. München: Beck. pp. VII–XI.
18. Möller, H. (1980) Oswald Spengler – Geschichte im Dienste der Zeitkritik. In: Ludz, Ch. von. (ed.) *Spengler heute*. München: Beck. pp. 49–73.
19. Farrenkopf, J. (1994) Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste der Staatskunst. In: Demandt, A von & Farrenkopf, J. (eds) *Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz*. Köln, Weimer, Wien: Böhlau. pp. 45–73.
20. Herf, J. (2003) *Reactionary Modernism. Technology, Culture and Politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge: Cambridge UP.
21. Mikhaylovskiy, A.V. (2011) Filosofiya tekhniki Khansa Frayera [Hans Fryer's Philosophy of Technology]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 3. pp. 62–72.

Received: 10 December 2018